УДК 316.485. 22 DOI:10.12737/20391

РОЛЬ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В СИСТЕМЕ ПРОТЕСТНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Столяров А. О. [1]

Статья посвящена проблеме использования средств сети Интернет в системе протестной коммуникации. С точки зрения политики Интернет пока является ресурсом с не до конца изученными и раскрытыми возможностями. Автор анализирует социально-политический феномен виртуального протеста и его значение в развитии политического процесса, рассматривает т. н. хактивизм, как новый вид политического участия и оценивает перспективы использования сети Интернет в качестве мощного инструмента протестной активности. Отдельно выделяются проблемы, которые могут спровоцировать возможности социальных сетей и их роль в общественной коммуникации. Важным в статье является рассмотрение протестных акций в России в конце 2011-начале 2012 гг. и т. н. «Арабской весны» и влияния социальных сетей на эти события.

Ключевые слова: политический протест, формы политического протеста, политическое участие, власть, общество, оппозиция, протестное движение, социальные сети.

THE ROLE OF VIRTUAL PROTEST IN THE SYSTEM OF PROTEST PUBLIC COMMUNICATION

STOLYAROV A. O. **–** Postgraduate student of the Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh), e-*mail:* ArtemSTO@mail.ru

The article is devoted to the issue of using means of the Internet in the protest communication system. In the context of politics the possibilities of the Internet as a source are not fully researched. The author analyzes socio-political phenomenon of virtual protest and its value in the development of political process, considers so-called ‘hacktivism’ as a new kind of political participation and evaluates prospectives of using the Internet as a powerful instrument of protest activity. The issues, which can create possibilities of social networks and their role in social communication, are specially highlighted. The important part of the article is devoted to observing protests in Russia at the end of 2011 and at the beginning of 2012 and the events of the Arab spring as well as influence of social networks on those events.

Keywords: political protest, forms of political protest, political participation, power, society, opposition, protest movement, social networks.

Столяров Артём Олегович, аспирант кафедры социологии и политологии; Воронежский государственный университет; адрес: 394068, Россия, г. Воронеж, Московский пр-т, д. 5а; e-mail: ArtemSTO@mail.ru

Реальное значение сетевых ресурсов в современном политическом процессе переоценить очень трудно. Скорее сегодня на отечественном пространстве его потенциал не используется в полную силу. Хотя с приходом новых менеджеров в структуру органов государственной власти имеется тенденция к расширению сферы использования онлайн-среды. Так, первичным источником информирования общественности о текущих делах первых лиц государства часто выступают их персональные страницы в социальных сетях: в Твиттере, в Фейсбуке и других. Оппозиция тоже не остается в стороне и всё чаще использует соцсети для координации и информирования своих сторонников.

Участниками политических протестов обычно становятся небезразличные и активные граждане, поэтому использование Интернета как платформы для защиты ими своих интересов вполне закономерно. Ведь потенциал, легкодоступность связи и неоднородная социальная структура пользователей сети обеспечивают прочную основу для распространения информации. Поэтому виртуальные средства вносят изменения в традиционные формы протеста, отодвигают их на второй план, упрощают процесс организации массовых акций.[1]

Важной и особой отличительной чертой современного протеста является его технологичность, что проявляется в применении различных высокотехнологичных средств для визуализации протеста с использованием карнавальных приемов и ярких символов. К тому же широко используются средства коммуникации для мобилизации граждан, среди которых первое место занимает сеть Интернет. Политический протест может выражаться в различных формах: легальной или нелегальной, спланированной или стихийной, активной или пассивной, традиционной или инновационной и т. п. Именно к инновационным формам можно отнести виртуальный политический протест, характеризующийся высокой технологичностью и общественной значимостью в эпоху широкого распространения электронных медиа.

В арсенале граждан для выражения своей позиции есть достаточное количество традиционных средств и механизмов: коллективные петиции, санкционированные и несанкционированные демонстрации и митинги, пикетирование, забастовки и тому подобное. Возникает вопрос, чем обусловлен переход протестных действий на виртуальное «поле боя»?

Стоит обратить внимание, что пользователями Всемирной паутины являются преимущественно молодые люди: ведь почти 70% российской молодежи отдают предпочтение Интернету как источнику информации, а 55% ежедневно пользуются социальными сетями. Социально-политические медиа благодаря своей способности быстро распространять информацию трансформировали политический процесс, изменили его ключевые характеристики. Для выявления народного недовольства уже не нужно выходить на улицу, можно просто осуществить атаку на электронные ресурсы государственных органов или персональные сайты лиц, к которым апеллирует гражданин. Такой способ получил широкое распространение как в России, так и за ее пределами.[2]

---

[1]Ксенофонтова И. В. Роль Интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2012. — №3 (109). —С. 114—116.

[2]Назарчук А. В. Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе. – URL: http://www.nazarchuk.com/articles/article30.html. (дата обращения: 03.03.2016)

Ярко проявилось и использование социальных сетей, особенно в пиковый период политического протеста на президентских выборах в России 4 марта 2012 года и последовавших за ними про- и антиправительственных выступлений. В частности, протестующие очень активно использовали социальную сеть «Твиттер».

Во-первых, «Твиттер» выполнял множество функций как одновременно, так и на разных этапах мобилизации, включая:

1. обобщение информации, идей и мемов, связанных с мобилизационными действиями;
2. распространение обобщенной информации, идей и мемов среди расширенной аудитории;
3. эффект эха, способствующий укреплению внутригрупповой солидарности и приверженности обобщенным мемам.

Во-вторых, у противостоящих политических «лагерей» наблюдалось значительное расхождение социальной структуры:

1. оппозиционные сети являются относительно более многообразными и разрозненными, чем проправительственные; кроме того, они тесно связаны со СМИ, которые отличаются значительным присутствием в «Твиттере», что отчасти определило преобладание оппозиции в «Твиттере» в данный период;
2. проправительственные сети отличаются относительно более высокой концентрацией, более интенсивной коммуникацией по установленным каналам, а также делают больший акцент на формальном распределении ролей, чем на неформальном участии.

В-третьих, в течение всего рассматриваемого периода ключевую роль в «Твиттере» играли профессиональные журналисты и СМИ, профессиональные блогеры и утвердившиеся гражданские группы, НПО и политические организации, тогда как влияние «неформальных» «Твиттеров» или «случайных» твитов представляется минимальным.[1]

Ярким примером хакерской деятельности являются революционные события в конце 2010 года на Ближнем Востоке, спровоцировавшие политическую решимость активистской группы «Anonymous», провозглашающей своей целью свободу слова и противостояния цензуре. Атаке подверглись правительственные сайты Туниса, Египта, Йемена, Алжира, Ирана. Сайты Министерства промышленности, Министерства иностранных дел и тунисской фондовой биржи были атакованы одними из первых в ответ на блокирование правительством Туниса Youtube, Facebook, Google. Согласно данным The NewYork Times, около 500 хакеров «Anonymous» атаковали сайты Министерства информации, Министерства внутренних дел и Национально-демократической партии Египта после восстановления в стране мобильной связи и Интернета, заблокированных в течение пяти дней.[2] Не оставили без внимания «Anonymous» и сайты власти и провластных СМИ в России. Так, в конце 2011 года перед

---

[1] Пономарев П. В. Социальные сети — протест, свобода или безумие? — URL: http://www.psycenter.com.ua/rus-articles-013/view-190/socialnye-seti—protest-svoboda-ilibezumie-obshhestvo-chelovek-lyudi.html. (дата обращения: 21.02.2016)

[2] Мизюркин Ю. Роль Интернет-коммуникаций в движении протеста в странах Магриба и Ближнего Востока. – URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/vostok/rol_internetkommunikacij_v_dvizhenii_ protesta_v_ stranah_magriba_i_blizhnego_vostoka_2013-11-02.htm. (дата обращения: 20.02.2016)

выборами в Государственную Думу небывалого размаха достигли хакерские атаки на интернет-представительства оппозиционных СМИ. А в начале февраля 2012 года Ddos-атаке подвергся и электронный ресурс «Единой России» и «Коммерсанта». Хакерская культура, несмотря на свой в основном аполитичный способ мышления, может приобрести и политически сознательные формы в форме хактивизма. Появление термина «хактивизм» (от англ. - hacktivism), как сочетание слов хакерство (от англ. - hacking) и активизм (от англ. - activism), связывают с именем хакера Омега, руководителем хактивистской организации «Культ мертвой коровы» («CultofDeadCrow»). Считается, что в 1996 году он впервые использовал термин «хактивизм», обозначив им использование хакерства в политических целях. Как отмечает сам Омега, «сначала в использовании этого термина было больше шутки», однако очень скоро все те, кто использовал современные информационные технологии для достижения социально-политических целей, начали называть себя «хактивисты», а хакерство в политических целях получило общепризнанное название «хактивизм».[1]

Хактивизм – это новый вид политического участия, который заключается в стремлении достичь социально-политических целей с помощью компьютерных технологий. Исследовательница А. Самюэль предлагает следующее определение хактивизма – «это ненасильственное легальное и нелегальное использование электронных приборов в политических целях». По ее мнению, предложенное определение имеет несколько преимуществ: во-первых, благодаря дефиниции «ненасильственное» хактивизм возможно отделить от киберпреступности, во-вторых, определение «легального и нелегального» видов использования электронных приборов, то есть наличия фактов нарушения законодательных норм, позволяет отделить действия активистов от любой традиционной виртуальной деятельности. Появление такого движения обусловлено тесным сосуществованием человека и техники. Вхождение инновационных технологий в политику и обусловило появление нового участинического феномена, каким является хактивизм. Он стал эффективным средством воздействия на механизмы принятия политических решений, которое не знает границ (вспомнить хотя бы активную деятельность «Anonymous») и обладает широким арсеналом средств борьбы, среди которых Ddos-атаки, виртуальные забастовки и саботажи, создание сайтов-близнецов, похищение и распространение информации, порча сайтов и тому подобное. Политики со своей стороны пытаются активно включаться в электронную интерактивность. Персональные сайты, страницы в социальных сетях, блоги на разного рода общественно-политических ресурсах (в основном на сайтах, входящих в ТОП-10 самых посещаемых по данной тематике), авторские статьи там же, онлайн-конференции – это далеко не полный перечень средств, которые используют политические деятели в виртуальном пространстве. Широкую популярность Интернета в организации протестов обусловливают его технические характеристики. Значимость электронных СМИ выражается в скорости передачи информации, которая способна вызвать массовое недовольство населения и тем самым вывести его на улицы под транспаранты, сообщить о проведении массовых акций, а также информации, которая освещает события на поле боя, обеспечивает мультимедийное сопровождение

[1]Почепцов Г. Г. Информационно-коммуникативные технологии в развитии цивилизации. URL: http://osvita.mediasapiens.ua/material/27350. (дата обращения: 04.03.2016)

протестов в режиме реального времени. Такая динамичность циркуляции информационных потоков все больше уменьшает отрезок времени от зарождения протестных настроений до проведения демонстраций. Специфика информативности Всемирной паутины еще и в том, что данные передаются не только от субъектов, которые занимаются этим профессионально (новостные сайты, представительства государственных органов), а от любого лица, которое владеет информацией и предпочитает ее донести народу. Каждый, кто имеет свой аккаунт в социальных сетях, может сообщить широкой общественности о тех или иных событиях, подтвердив их собственноручно снятыми фото и видео, которые способны вызвать мощный общественный резонанс. Из этого следует, что даже в антидемократических обществах цензурировать Интернет практически невозможно. Во время арабских революций активисты находили способы избежать государственного контроля за интернет-трафиком путем использования прокси-серверов, сайтов знакомств и тому подобного.

Из выше сказанного следует, что важно различать политические протесты, которые ведутся в Интернет-СМИ, на персональных страницах политиков, в социальных сетях, и протесты, которые, используя технические характеристики сети, происходят на улицах. Задача в таком случае состоит в том, чтобы выявить протестные настроения, сообщить место и время проведения акции и обеспечить информационное сопровождение протеста. Так, после начала акции «OccupyWallStreet» («Оккупируй Уолл-Стрит») в Нью-Йорке 17 сентября 2012 года демонстранты выступали против нарастающего социального неравенства в глобальном масштабе. Благодаря широкому использованию участниками социальных сетей и других интернет-коммуникаций подобные акции распространились сначала на другие американские города, а затем и на другие страны. При этом через Интернет распространялась не только идеология движения, но и наработанные участниками методики организаций акций, обращения со СМИ, правоохранительными органами и т.д. То есть в конкретном случае речь идет об использовании Интернета не как платформы для протеста, а в качестве технического средства для увеличения масштабов акции.

Несмотря на всю многофункциональность и перспективность использования Всемирной сети, ее возможности не безграничны. Малкольм Гладвел утверждал, что социальные медиа не способны вызвать социально-политические изменения. Известный социолог Зейнеп Туфекци выступил в поддержку Гладвела, считая, что социальные медиа непосредственно не вызывают революции, зато способствуют быстрому установлению сетевых связей. Важно отметить, что Интернет является не причиной протестов, а лишь инструментом их осуществления. Всемирная сеть делает информацию доступной, в этом ее опасность для недемократических режимов, она стирает границы между странами, регионами, нивелирует разницу между мегаполисами и периферией, повышает уровень образованности населения. Влияние социальных сетей на революционные процессы в арабских странах также сильно преувеличено. Социальные сети там служили только для обмена информацией. Иначе и быть не могло, так как число пользователей социальных сетей росло пропорционально росту протестных настроений, и достигло пика в момент массовых уличных протестов. В социальных сетях не происходило ни формирования идеологии, ни выработки стратегии, ни вообще важного обсуждения происходивших событий. Количество пользователей Интернета в

этих странах на момент начала революции было далеко не таким многочисленным, как в странах США и Европы.[1]

Интернет появился как средство передачи информации, но развитие получил в первую очередь как средство получения этой самой информации. На сегодняшний день социальные сети как один из видов интернет-ресурсов постоянно развиваются, совершенствуются и имеют тенденцию к делению на узкоспециализированные социальные сообщества по различным тематикам и критериям, объединяющим их пользователей. Но существует еще множество проблем, как эффективно использовать данные социальные медиа, ограничивая потоки негативного и противозаконного контента. Развитие новых медиа в России происходит хаотично, спонтанно, российским блогам и социальным сетям не хватает глубинного анализа и стратегии развития, а пользовательскому сообществу – проектов, нацеленных на улучшение культуры виртуального общения. Социальные сети являются новым мощным инструментом социальных и политических технологий. Они объединяют людей разных религиозных конфессий, национальностей, областей деятельности, возрастов, интересов и социальных статусов.[2] В апреле 2012 года была запущена Глобальная исламская социальная сеть SalamWorld на восьми языках мира, на Кубе создана первая национальная социальная сеть, призванная объединить студентов университетов, средних учебных заведений и других молодых кубинцев. По всему миру создается большое количество социальных сетей, имеющих политическую направленность. Но здесь можно говорить и о серьезных проблемах, которые могут спровоцировать возможности социальных сетей. Кроме интеграции и социализации, социальные сети часто порождают и способствуют порождению ненависти между пользователями разных конфессий, религиозных убеждений, расовых принадлежностей.

Возвращаясь к дискурсу о политическом участии, зафиксируем некоторые важные позиции исследователей политической сферы в новом коммуникационном измерении. Согласно концепции А. Киселева, политическое участие в Интернете является многоступенчатым коммуникативным процессом, проходящим под очевидным влиянием лидеров мнений на их аудиторию. Вышеупомянутая научная позиция, на наш взгляд, является принципиальной в понимании тенденций идентификации протестного имиджа в пространстве виртуальной коммуникации.[3]

Рассматривая политическое Интернет-участие в качестве одного из новейших способов коррекции общественной действительности, А. Киселев выделяет ряд влияющих на нее факторов: это виртуальная политическая система, мотивация и ресурсы личности. Под виртуальной политической системой автор представляет всех политических актеров, позиционирующих себя в Интернете; мотивация включает интерес, знания и уверенность в своих действиях, а также политико-культурные установки личности. Решающую роль в этом

---

[1]Чудова Н. В. Психологические особенности коммуникативного пространства Интернета/ Н. В. Чудова, М. А. Евлампиева, Н. А. Рахимова // Соционика, психология и межличностные отношения: человек, коллектив, общество. —2009. — №142 . — С. 50—57.

[2]Кузнецова Ю. М. Психология жителей Интернета / Ю. М. Кузнецова, Н. В. Чудова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.

[3]Киселев А. А. Политическое участие в интернете: автореферат дис. кандидата политических наук: 23.00.02 / А. А. Киселев, Кубан. гос. ун-т. — Краснодар, 2007. — 31 с.

плане, по мнению политолога, играют доходы, образование, род занятий, возраст и пол пользователя. Вместе с тем, А. Киселев подчеркивает: для политического участия в Интернете значимы те факторы, которые не являются базовыми для традиционного политического участия в повседневной жизни. Индивидуальные ресурсы, специфические для Интернет-пространства (время, проводимое в онлайне, а также навигационные навыки) значительно важнее, чем обычные факторы, влияющие на оффлайн-участие (связанные с социально-экономическим статусом). Учитывая подкрепленные эмпирическими исследованиями положения концепции политического Интернет-участия А. Киселева, считаем вышеупомянутые утверждения принципиально важными для понимания базовых предпосылок формирования протестного поведения. В связи с этим, выделим активизацию политического Интернет-участия недавно латентной аудитории, а также расширение ареала действий (виртуальных и реальных) уже ранее активных пользователей социальных сетей, что, собственно, и является результатом действия факторов протестной коммуникации в кибер-пространстве.

Коммуникационные особенности современных социальных сетей формируют закономерности для того, чтобы идентифицировать построение протестного имиджа как социальный процесс. Возможность открытой дискуссии для широкой аудитории, феномен доминирования слабых связей, призыв к формам реализации ценностей свободы – факторы, создающие предпосылки для активизации политического Интернет-участия, а затем – побуждение к массовым общественным действиям, направленным на изменения широкого масштаба.

Библиография/References:

1. Киселев А.А. Политическое участие в интернете: автореф. дис. ... канд. полит. наук – Краснодар, 2007. – 31 с.

2. Ксенофонтова И.В. Роль Интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. №3 (109). С. 114–116.

3. Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Психология жителей Интернета – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.

4. Мизюркин Ю. Роль Интернет-коммуникаций в движении протеста в странах Магриба и Ближнего Востока. – URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/vostok/rol_ internetkommunikacij _v_dvizhenii_protesta_v_stranah_magriba_i_blizhnego_vostoka_2013-11-02.htm. (дата обращения: 20.02.2016)

5. Назарчук А.В. Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе. – URL: http://www.nazarchuk.com/articles/article30.html. (дата обращения: 03.03.2016)

6. Пономарев П. В. Социальные сети – протест, свобода или безумие? – URL: http://www.psycenter.com.ua/rus-articles-013/view-190/socialnye-seti–protest-svoboda-ilibezumie-obshhestvo-chelovek-lyudi.html. (дата обращения: 21.02.2016)

7. Почепцов Г.Г. Информационно-коммуникативные технологии в развитии цивилизации. – URL: http://osvita.mediasapiens.ua/material/27350. (дата обращения: 04.03.2016)

8. Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории / Пер. с нем. Медведева Ю. С. [под ред. Скляднева Д. А.] – М., 2001. – 417 с.

9. Чудова Н.В., Евлампиева М.А., Рахимова Н.А. Психологические особенности коммуникативного пространства Интернета // Соционика, психология и межличностные отношения: человек, коллектив, общество. – 2009. № 142. С. 50 – 57.

1. Kiselev, A.A. (2007) Politicheskoe uchastie v internete [Political participation on the Internet]: avtoref. dis.… kand. polit. nauk – Krasnodar. – 31 p. (In Russ.)
2. Ksenofontova, I.V. (2012) Rol' Interneta v razvitii protestnogo dvizhenia [Role of the Internet in development of protest movement] // Monitoring obshestvennogo mnenia: ekonomicheskie i social'nie peremeni [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. – № 3 (109). – P. 114 – 116. (In Russ.)
3. Kuznecova, U.M., Chudova, N.V. (2008) Psihologia zhitelei Interneta [Psychology of inhabitants of the Internet]. – M.: Izd-vo LKI. – 224 p. (In Russ.)
4. Mizurkin, U. Rol' Internet-kommunikacii v dvizhenii protesta v stranah Magriba i Blizhnego Vostoka [The role of the Internet communication in the protest movements in Maghreb and in the Near East]. – URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/vostok/rol_internetkommunikacij_v_dvizhenii_protesta_v_stranah_magriba_i_blizhnego_vostoka_2013-11-02.htm. (data obrashcheniia: 20.02.2016). (In Russ.)
5. Nazarchuk, A.V. Ponjatie deliberativnoi politiki v sovremennom politicheskom processe [The Concept of Deliberative Policy in Modern Political Process]. – URL: http://www.nazarchuk.com/articles/article30.html. (data obrashcheniia: 03.03.2016). (In Russ.)
6. Ponomarev, P.V. Social'nie seti – protest, svoboda ili bezumie? [Social network – protest, freedom or insanity] – URL: http://www.psycenter.com.ua/rus-articles-013/view-190/socialnye-seti-protest-svoboda-ilibezumie-obshhestvo-chelovek-lyudi.html. (data obrashcheniia: 21.02.2016). (In Russ.)
7. Pochepcov, G.G. Informacionno-kommunikativnie tehnologii v razvitii civilizacii [Informational and communicative technologies in development of civilization]. – URL: http://osvita.mediasapiens.ua/material/27350. (data obrashcheniia: 04.03.2016). (In Russ.)
8. Habermas, U. (2001) Vovlechenie drugogo: Ocherki politicheskoi teorii [The Inclusion of the Other. Studies in political theory] / Per. s nem. Medvedeva U. S. [pod red. Skljadneva D. A.] – M. – 417 p. (In Russ.)
9. Chudova, N.V., Evlampieva, M.A., Rahimova, N.A. (2009) Psihologicheskie osobennosti kommunikativnogo prostranstva Interneta [Psychological features of communicative field of the Internet] // Socionika, psihologia i mezhlichnostnie otnoshenia: chelovek, kollektiv, obshestvo [Socionics, psychology and interpersonal relations: human being, group, society]. – № 142. P. 50 – 57. (In Russ.)